

7. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Ч. 1–2. Без м. в.: Вид-во «Прометей», 1930. 235 с.
8. Русова С. Мемуари. Щоденники. Київ: Поліграфкнига, 2004. 544 с.
9. Скоропадський П. Спогади. Київ–Філадельфія, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України; Інститут східноєвропейських досліджень НАН України; Східноєвропейський дослідний інститут ім. В. Липинського, 1995. 493 с.
10. Суровцева Н. Спогади. Київ: Видавництво ім. Олени Теліги, 1996. 432 с.
11. Шелухін С. Україна – назва нашої землі з найдавніших часів. Прага, б. в., 1936. 136 с.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТРАВМИРОВАННОЙ ПАМЯТИ (НА ОСНОВЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ ЛЮДЕЙ ИЗ МОЛДАВСКОЙ ССР, 1941, 1949, 1951 ГГ.)

Петренко Анатолий

Soviet power has promoted a repressive policy in the Moldavian SSR resulting in arrests, assassinations, deportations to Siberia of the so-called «chiaburi» («class enemies»). The Communist regime of occupation promoted not only a repressive policy, but also the erasing of the memory of those who suffered as a result of the repression. Lately, specialists have made efforts to recover the memory of the Gulag survivors.

Key words: *repression, deportation, rehabilitation, memories, restored truth.*

Население Молдавской ССР было подвергнуто той же политике социальной инженерии, проводимой КПСС и Советским правительством, что и другие народы СССР. Прежде всего нужно сказать, что из Молдавской ССР были депортированы в Сибирь, на север Казахстана, в другие отдаленные места: в ночь с 12 по 13 июня 1941 года более 22 000 человек [2, 25] – «первая волна» массовых депортаций; в ночь с 5 по 6 июля 1949 г., в ходе реализации операции «Юг», были высланы 11 253 семьи, 35 796 человек, из них мужчин – 9 864, женщин – 14 033 и детей 11 899 [2, 42] – «вторая волна»; в 1951 г., в ходе операции «Север» были депортированы 732 семьи, 2 619 человек (по другим данным – 734 семьи, 2 641 человек [2, 54] – «третья волна депортаций»). Основываясь на архивные материалы, кишинёвский исследователь Николае Фуштей напечатал список депортированных лиц, Свидетелей Иеговы. По его подсчётам, с первого на второе апреля 1951 г. были высланы в Сибирь 2 724 человека, в том числе 846 детей до 14-летнего возраста [9, 102].

Політика керівництва СРСР ґрунтувалась на лжі. Вот несколько примеров. 30 ноября 1939 г. СССР начал войну против Финляндии. 2 декабря президент США Ф. Д. Рузвельт направил советскому руководству ноту протеста, в которой выразил озабоченность американского народа по поводу бомбардировок мирного населения [4, 372]. Без зазрения совести председатель Совнаркома, он же Народный комиссар иностранных дел, В. М. Молотов ответил: «...советские самолёты сбрасывают голодающему населению Финляндии мешки с хлебом». Как пишет Борис Соколов, эти «мешки с хлебом» привели к гибели 956 мирных жителей Хельсинки, Турку, Тампере, Лахти и др. [3, 110]. 3 декабря 1941 г., на встрече в Кремле с Иосифом Сталиным, председатель Польского правительства Владыслав Сикорски спросил диктатора, не знает ли он, где находятся около пяти тысяч польских офицеров? Прекрасно зная, что упомянутые офицеры были расстреляны НКВД, И. Сталин сказал: «На основе (приказа) об амнистии, все поляки были освобождены из тюрем. Возможно, после их освобождения, некоторые из них убежали куда-нибудь, например, в Манджурию». И таких примеров можно приводить до бесконечности. Так вот, руководители СССР давали пример нижестоящим руководителям, и те, для выполнения поставленных партией и правительством заданий, были готовы на любые мерзости и преступления.

После оккупации Бессарабии советские органы власти стали арестовывать активных членов партий, глав населенных пунктов (сёл, городов), а также зажиточных людей, обвинив последних в «эксплуатации человека человеком», хотя всё, что они имели, было произведено собственными силами, ими и членами их семей. Никакие аргументы не действовали. Объявив без всяких оснований зажиточных людей «кулаками» и «врагами народа», в ночь с 12 на 13 июня 1941 г. семьи «кулаков», в том числе – пожилые люди и малые дети, были погружены в товарные вагоны и отправлены в Сибирь. Доехав до Тирасполя или до станции Раздельная, составы поездов остановились, и был дан приказ, чтобы мужчины, взяв свой багаж, перешли в другие вагоны. Женщины и дети стали плакать, кричать, протестовать. Для наведения спокойствия военные прибегли к наглому лжи. Они заявили, что мужчины едут вперед остальных для благоустройства жилья. Евфросиния Керсновская вспоминает: «... Надсмотрщики никого не хлестали бичом и не тащили за шиворот; они просто вызывали по заранее составленному списку и успокаивали, улыбаясь, встревоженных женщин. Когда же вызванные не вернулись, и женщины, почуввав недоброе, заголосили, – им солгали, их обманули... «Нам нужно растолковать женщинам, зачем мы взяли их мужей», обратился конвоир к «населению» нашего вагона, самому близкому к служебному. Разумеется, вызвалась я. Разве я знала, что сообщу им ложь? Много времени потребовалось для того, чтобы окончательно убедиться,

что у нас все от начала до конца построено на лжи, ложью питается и порождает лишь обман...» Е. Керсновская сообщила женщинам, что туда, куда их привезут, ничего не подготовлено для удобства; мужчины поедут вперед, придут раньше и встретят их на месте. «Это был, разумеется, обман, – пишет автор. – Но обман гениальный. Он очень облегчил задачу конвоиров: все были готовы покорно и терпеливо ехать туда, где семьи вновь соединятся» [1, 135]. На самом деле, мужчин, отделенных от их семей, отправили в ИТЛ г. Ивдель, где они погибли из-за голода, холода, болезней и изнурительного труда.

Политика, основанная на насилии, продолжилась с новым размахом после войны. Решение Советского государства по обязательному сбору госпоставок привело к голодной смерти более 200 000 человек (1946–1947 гг.). Последовала насильственная депортация в 1949 г. с целью приобретения нужных средств (помещений, сельхозинвентаря, домашнего скота и т. д.) для проведения коллективизации сельского хозяйства. Мирное население сопротивлялось как могло: где протестами, а где и оружием в руках. Но силы были неравны. Советы подавили любое сопротивление. Всё, или почти всё, было основано на страхе быть арестованным ночью или сосланным в отдаленные края. Советы и их местные приспешники заставили людей молчать, подменив истинную историю и настоящую судьбу людей мифами о «классовой борьбе», о «врагах народа», которые только и мечтали о свержении коммунистической власти и т. д. Распад СССР, провозглашение независимости Республики Молдова, новые возможности демократического характера позволили историкам Молдовы обратиться к «заполнению» «белых пятен» истории, в том числе – к сбору и научной обработке воспоминаний тех людей, которые были депортированы, выжили в тех далёких краях, возвратились на родину и которые готовы поделиться своими воспоминаниями. В этом смысле Институт Социальной Истории при Молдавском Государственном Университете «ПроМемория» разработал Госпрограмму «Сбор и историческая обработка воспоминаний жертв коммунистического тоталитарного режима в Молдавской ССР в 1940–1941, 1944–1953 гг.». Программа была одобрена Академией Наук Респблика Молдова и успешно предворяется в жизнь (2015–2018 гг.) Программа разделена на три проэкта, охватывающие северные, центральные и южные районы республики. До настоящего времени удалось напечатать четыре тома воспоминаний [5, 6, 7, 8].

Сбор воспоминаний основывается на заранее разработанной анкете, в которой мы спрашиваем о положении хозяйства до депортации: сколько земли имела семья, какой был инвентарь, сколько было домашнего скота и живности. Далее – момент депортации. Ведь ссылка проводилась как военная операция, секретно, внезапно. Для депортированных людей ссылка была полной неожиданностью. По воспоминаниям

депортированных, их матери были настолько испуганны, что теряли сознание, падали в обморок, а Марина Акопиани потеряла дар речи и только после нескольких лет, уже в Сибири, восстановила возможности говорить. От внезапности люди не смогли взять с собой необходимую одежду, еду, запасы воды; очень многие не взяли с собой личные документы. Далее – отправка и доставка к месту назначения. Поезда были предназначены для перевозки скота, в вагонах не было туалета, скученность людей в вагонах была большой. Людям не давали воды (это при июльской жаре), редко давали питание. Были случаи смерти в вагонах и рождения детей. По прибытию в Тюменская область или в другие отдалённые места, прибывших «раскупали» как рабов. Более-менее «повезло» тем семьям, у которых были специалисты – слесари, кузнецы, водители, трактористы и т. д. Но в целом условия были ужасными, особенно трудно было зимой с 1949 на 1950 год, не было соответствующей одежды, обуви, жилья (приходилось жить по несколько семей в тесных комнатах или холодных бараках). Нас также интересует ряд других вопросов, связанных с местами ссылки: отношение местного населения к вновь прибывшим, режим проживания, питание, условия работы, связь с родственниками, свободное время, болезни, смертность, рождаемость и др.

Другой спектр проблем связан в реабилитацией и возвращением домой. На основе опубликованных документов и воспоминаний депортированных людей, можно сказать следующее: после смерти И. Сталина, в августе 1953 г. были разработаны предложения ЦК КПСС по вопросу о спецпоселенцах, высланных в административном порядке.

С другой стороны, сами спецпоселенцы активизировались, начали обсуждать на местах их положение и писать заявления и жалобы. Так, в конце мая 1955 г. МВД СССР направил Министру Внутренних Дел МССР П. Ф. Кулику циркуляр, в котором отмечено, что к тому времени (май 1955 г.) «имелось около 5 000 нерассмотренных жалоб и заявлений от лиц, ходатайствующих об освобождении из спецпоселения, значительная часть которых поступила ещё в 1954 г.» [2, 701]. МВД СССР предложил упростить методы и ускорить рассмотрение указанных жалоб и заявлений. В результате, в 1954–1955 гг. с учета спецпоселений было снято 1 853 248 человек из 2 819 776, которые числились на 1 января 1953 г. И раньше, но в основном после принятия Постановления Совета Министров СССР № 342/216 от 12 марта 1956 г., спецпоселенцы стали возвращаться на родину. С чем они столкнулись в родных местах?

Во-первых, их недвижимая собственность была национализирована и отдана в пользование созданных колхозов (помещения для правления) или в пользование сельских советов, превратив их жилые дома в помещения для начальных школ, больниц, торговых центров, клубов и т. д. Так, хотя в постановлении об освобождении из Курганской области

семьи Петра Курош было написано «Реабилитируется без права проживания на молдавской территории», всё-таки, будучи тяжело больным, глава семьи решил возвратиться в родное село, Шептелич, Сорокского района, в котором до депортации он пользовался большим уважением. Его образцовое хозяйство было разворовано и разрушено. Правление колхоза приняло решение отдать во временное пользование, для проживания семьи Курош, помещение бывшей кузницы, которая находилась в том же дворе, что и жилой дом. В помещении его дома был размещен продовольственный магазин и сельский клуб. После возвращения жена Петра Курош стала работать сторожем магазина, расположенного в её собственном доме.

Оставив дома и хозяйство в родных селах, очень многие из депортированных были вынуждены построить новые дома в спецпоселениях. После освобождения, зная что не имеют право вернуться в родные края, построили другие дома, например, в Казахстане. По семейным обстоятельствам некоторые ссыльные были вынуждены вернуться в Молдову и, не получив своё оставленное жильё, были вынуждены построить новый (третий по счету) дом. После распада СССР очень немногие депортированные смогли вернуть свои дома, которые находились / находятся в плачевном состоянии. Немногие из депортированных получили денежные компенсации, но это после долгих скитаний по залам судов.

Во-вторых, серьёзной преградой для вернувшихся из Гулага стало отсутствие прописки по месту жительства, что означало невозможность устроиться на работу, посетить поликлинику, устроить детей в школу и т. д. Приведем пример Василия Андреевича Челпана. Он родился в 1925 г. в Белгород-Днестровске, Измаильской области. В декабре 1943 г. В. Чалпан насильно был вывезен в город Бор (Югославия), где находился в немецком концлагере до августа 1944 г. и где работал в Борском руднике. Затем нацисты вывезли его во Франкфурт на Майн, где В. Челпан работал на резиновой фабрике до освобождения американскими войсками, в марте 1945 г. 10 июня 1947 г. УНКВД по Измаильской области арестовало В. Челпана по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 54.1 УК Украинской ССР. 22 сентября 1947 г. приговором Военного Трибунала МВД Одесской области В. А. Челпан был осуждён на 10 лет ИТЛ с поражением в правах на 5 лет без конфискации имущества. 5 ноября 1954 г. мера наказания Челпану В. А. была снижена до 7 лет лишения свободы в ИТЛ без поражения в правах. 27 ноября 1954 г. В. Челпан был освобожден с места заключения – г. Воркута. В июне 1991 г. Прокуратура УССР реабилитировала В. А. Челпана. Из воспоминаний В. А. Челпана: «После освобождения я нигде не мог устроиться на работу, так как в моих документах была отметка «Магадан». Я дважды пытался избавиться от паспорта с

отметкой «Магадан». Первый раз я «потерял» паспорт с названной отметкой. Милиция выдала мне новый паспорт с отметкой «Выдан на основе паспорта г. Воркута» и наложила денежный штраф за небрежное отношение к советским документам. Во второй раз вместе с рабочими, которые перекачивали бочку, я бросил паспорт в лужу. Он размяк. Я снова пошёл в отделение милиции. Мне сказали, что я совершил преступление, вновь наложили штраф 30 рублей, но на этот раз выдали паспорт с пропиской Ленинского района г. Кишинёв. Только после этого я мог поступить на работу».

ІСТОЧНИКИ І ЛІТЕРАТУРА

1. Керсновская Евфросиния. Сколько стоит человек. Москва: Росспэн, 2006.
2. Пасат В. И. Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950-е гг. Москва: Терра, 1994.
3. Соколов Борис. Тайны финской войны, Москва: Издательство Вече, 2000.
4. Arhiva Diplomatică a MAE al României, fond 71/1939. E 9. vol. 95.
5. Cojocaru Ludmila (editor). Arhivele Memoriei. Recuperarea și valorificarea istorică a memoriei victimelor regimului totalitar-comunist din Republica Sovietică Socialistă Moldovenească. Memorii, documente, studii de caz. Vol. I: Cercetări realizate în localitățile din centrul Republicii Moldova. tom I. Chișinău, Balacron, 2016. 336 p.
6. Pădureac Lidia (editor). Arhivele Memoriei. Recuperarea și valorificarea istorică a memoriei victimelor regimului totalitar-comunist din Republica Sovietică Socialistă Moldovenească. Memorii, documente, studii de caz. Vol. III: Cercetări realizate în localitățile din nordul Republicii Moldova. tom I. Chișinău, Balacron, 2016. 336 p.
7. Postică Elena (editor). Arhivele Memoriei. Recuperarea și valorificarea istorică a memoriei victimelor regimului totalitar-comunist din Republica Sovietică Socialistă Moldovenească. Memorii, documente, studii de caz. Vol. II: Cercetări realizate în localitățile din sudul Republicii Moldova. tom I. Chișinău, Balacron, 2016. 334 p.
8. Postică Elena (editor). Arhivele Memoriei. Recuperarea și valorificarea istorică a memoriei victimelor regimului totalitar-comunist din Republica Sovietică Socialistă Moldovenească. Memorii, documente, studii de caz. Vol. II: Cercetări realizate în localitățile din sudul Republicii Moldova. tom II. Chișinău, Balacron, 2016. 336 p.
9. Fuștei Nicolae. Persecutarea Organizației religioase «Martorii lui Iehova». Operația «Sever» (1951) în RSSM Фуштей Николай. Преследование религиозной организации «Свидетели Иеговы». Операция «Север». 1951 г. в МССР: Chișinău, S.n. 2013.